

На правах рукописи

Шарипова Василя Анатольевна

**ОБЪЕКТИВАЦИЯ В ЯЗЫКЕ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ
«РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»
(на материале русского и английского языков)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2013

Работа выполнена на кафедре иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Зайнуллина Лилия Маратовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, доц. кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО «Казанский государственный аграрный университет»
Гиззатова Гузель Казбековна

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой языковедения и иностранного языка ФГКОУ ВПО «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Ахметзянова Гульсина Римовна

Ведущая организация

ГБОУ ВПО «Башкирский государственный медицинский университет» Минздрава России

Защита диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук состоится «30» октября 2013г., в 10.00 часов, на заседании Диссертационного совета Д 212.081.05 при ФГАОУ ВПО «Казанский Приволжский Федеральный государственный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Электронная версия автореферата размещена на сайте ФГАОУ ВПО «Казанский Приволжский Федеральный государственный университет»

Автореферат разослан «27» сентября 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.ф.н., доцент

Виноградова Т.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование посвящено функционально-когнитивному анализу глаголов речи как основных средств вербализации макроконцепта «говорить», представленному на материале русского и английского языков. Выбор данной тематической группы объясняется тем, что глаголы говорения играют важнейшую роль в осуществлении вербальной интеракции *homo loquens*. Соответственно, в речи носителей языка вербализация речевой деятельности проявляется многочисленными номинациями, обладающими высокой частотностью использования.

Актуальность диссертации состоит в том, что в ней проводится анализ функционального назначения и когнитивного содержания языковых единиц, способствующий выявлению глубинных семантических процессов, в которых проявляются существенные «скрытые» закономерности, обусловленные сложной природой языка как средства общения.

Функционально-когнитивный подход позволяет представить лексическую систему в новом ракурсе, преломив ее через призму восприятия человека, и исследовать словарный состав с точки зрения антропоцентричности языка и мышления, что дает возможность систематизировать лексику с опорой на речевую деятельность *homo loquens*. Когнитивная научная парадигма исследует процессы, в основу языковой семантики которых заложены типы знаний, используемых носителем языка в речевой коммуникации. Семантика языковых единиц рассматривается как аналог концептуальных структур, за которыми стоят определенные пласты знаний.

Изучение глагольных единиц, как ядерных компонентов функционально-когнитивной сферы «Речевая деятельность», представляется важным с когнитивной точки зрения. Такое исследование предполагает рассмотрение глагола как части речи, отражающей определенную область человеческого опыта, что даёт возможность установить его ментальное содержание во внутреннем лексиконе человека. Оно объясняет, какое именно представление о мире фиксируется глаголом, к наречению каких «сущностей» он приспособлен, какие «структуры знания» стоят за ним, как информация вербализуется при подведении ее «под тело такого знака, как глагол» [Кубрякова, 1992].

В лингвистике исследование глаголов говорения (глаголов речи, коммуникативных глаголов) шло по разным направлениям, так как учёные неоднократно обращались к анализу данной группы слов. Глаголы речи изучали в диахронии, в сравнительно-историческом аспекте на материале старославянского, древнерусского и родственных языков [Бондарь, 1960; Кодухов, 1959 и др.]. В ряде работ глаголы этой группы исследовались на материале русского языка [Возиянова, 1991; Крылова, 1996; Соколовская, 2002]; в сопоставительном плане [Ганиева, 2004; Горегляд, 1994; Имамутдинова, 1999]; на материале иностранных языков: английского [Шабанова, 1998; Дворник, 2003; Михайлова, 2009], немецкого [Потапова, 2008] и других. В некоторых исследованиях рассматривались особенности глаголов речи, функционирующих в диалектах [Бессонова, 2001; Антонова, 2003]. Отдельные работы посвящены рассмотрению синтаксических свойств глаголов со значением речи [Бахтина, 1964]. Кроме того, в ряде работ описываются различные лексические объединения и подгруппы, входящие в этот семантический класс (например, синонимические ряды) [Апресян, 1974], а также фразеологические

единицы со значением речи [Дубова, 2001]. Некоторые ученые анализировали сочетаемостные свойства глаголов речи [Фоменко, 1977; Ничман, 1980]. Начиная с 50-60-х годов, с утверждением в лексикологии системного подхода применительно к исследованию и описанию лексических единиц, появились работы, посвященные системным связям и отношениям между компонентами группы глаголов речи [Степанова, 1970; Васильев, 1971; Ничман, 1980; Падучева, 1985], среди которых особо следует выделить исследования Л.М. Васильева, который осуществил наиболее полное по материалу описание семантики единиц данной группы. Они стали основой для последующего изучения глаголов речи (см. работы З.В. Ничман, И.М. Кобозевой и других языковедов, проводивших лингвистический анализ глаголов речи).

Общелингвистический интерес к данной проблеме обусловлен также отсутствием в настоящее время специальных работ, где было бы представлено функционально-когнитивное описание глаголов речи, с учётом их дериватов и распространителей, вербализующих *макроконцепт* «говорить» в составе многоаспектного образования – *функционально-когнитивной сферы (ФКС)* на материале русского и английского языков.

Объектом исследования в данной работе являются глаголы речи, взятые на срезе современного русского и английского языков, посредством которых осуществляется вербализация *макроконцепта* «говорить» – базы концептуального образования ФКС «Речевая деятельность».

Предметом исследования является анализ функционально-когнитивного потенциала глаголов речи, раскрывающегося во взаимодействии с существительными, местоимениями, наречиями и прилагательными, а также характерные особенности их употребления в художественных текстах и в речевой практике носителей русского и английского языков.

Основная цель данной работы заключается в комплексном описании глаголов говорения в русском и английском языках, а также в выявлении разноаспектных и разветвлённых типов смысловых отношений между блоками лексем разных уровней и входящими в их состав лексическими элементами, с опорой на базовые функции языка и речевой деятельности.

С учетом поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- рассмотреть теоретические основы исследования процессов *вербализации концептов* в языке, а также обосновать эффективность функционально-когнитивного подхода к исследованию *макроконцепта* «говорить»;

- раскрыть реализацию основных функций языка и речевой деятельности в глаголах речи;

- выделить и проанализировать основные блоки лексем, вербализующих *макроконцепт* «говорить» на материале русского и английского языков, исходя из иерархической многоступенчатой структуры *функционально-когнитивной сферы*;

- исследовать важнейшие аспекты ФКС «Речевая деятельность» в русском и английском языках: *коммуникативный, информативно-содержательный, интенциональный*;

- описать *акустическую, субъектную, оценочную* и другие характеристики глаголов речи – основных языковых средств, посредством которых осуществляется вербальная интеракция.

Методологической основой диссертации послужили исследования, позволившие продолжить в настоящей работе изучение общих сущностных

характеристик языка и его функций в коммуникативной деятельности человека, среди которых - понимание языка как средства общения и формирования знаний человека, деятельностный аспект языка, соотношение понятийной и языковой картины мира, антропоцентризм языка и т.д.

Для решения поставленных задач используются *описательный, сопоставительный, ономастиологический методы лингвистического анализа*, а также *когнитивный подход*, что позволяет дать объективную оценку процессам вербализации макроконцепта «говорить» в русском и английском языках. *Описательный метод* исследования материала служит для характеристики единиц языка; *сопоставительный* позволяет выявить индивидуальные особенности каждого языка, их отличие друг от друга; *ономастиологический* («от значения к форме») отражает функциональную сторону языка; *когнитивный подход* позволяет выявить знания, стоящие за лексическими элементами.

Теоретической основой работы послужили исследования российских и зарубежных учёных: *по теории и философии языка* В.А. Аврорина, Н.Ф. Алефиренко, В.М. Алпатова, Э. Бенвениста, Л. Блумфилда, И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.В. Бондарко, Т.А. ван Дейка, О. Есперсена, Г.В. Колшанского, А.Р. Лурия, М. Минского, В. Матезиуса, А.А. Потебни, Б.А. Серебренникова, Ф. де Соссюра, Н. Хомского, и др.; *по когнитивной лингвистике*: А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Г.А. Брутяна, В.З. Демьянкова, В.Б. Касевича, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, В.А. Масловой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Б.Л. Уорфа, Ч. Филлмора, Р.М. Фрумкиной, У. Чейфа и др.; *по речевой деятельности*: Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ш. Балли, В. Бёка, Т. Винограда, Г.Г. Винокура, Н.В. Витта, М.Я. Гловинской, Г. Грайса, А.А. Зализняк, И.А. Зимней, Л.А. Киселёвой, Г.А. Китайгородской, Г.Е. Крейдлина, А.А. Леонтьева, Е.В. Падучевой, Дж. Остина, Дж. Сёрля, В.Н. Телия, Н.И. Формановской, и др.; *по сопоставительному языкознанию*: В.Г. Гака, А.Е. Кибрика, С.А. Бурлака, В.А. Плунгяна, Л.К. Байрамовой, Е.Ф. Арсентьевой, Б.Ю. Городецкого, Л. Скалички, Л.М. Зайнуллиной, Т.А. Кильдибековой, Р.З. Мурясова, С.А. Старостина и др.

Научная новизна работы заключается в том, что **впервые**:

- предлагается систематизация информации, лежащей в основе *макроконцепта* «говорить»;
- выявляется иерархическая структура ФКС «Речевая деятельность», выстраиваемой на базе вербализации макроконцепта «говорить»;
- исследование процессов вербализации макроконцепта «говорить» опирается на связь глаголов речи (основных средств вербализации) с базовыми функциями языка и речевой деятельности;
- описываются блоки лексем, конкретизирующих макроконцепт «говорить».

На защиту выносятся следующие положения:

1. При сопоставительном изучении языков эффективным является применение функционально-когнитивного подхода, поскольку он позволяет укрупнить объект исследования и использовать в качестве единицы анализа *функционально-когнитивную сферу*.
2. *Функционально-когнитивная сфера* – многоаспектное образование языка, способное с максимальной полнотой отразить наборы ситуаций на всех уровнях анализа, которые связаны, во-первых, с базовым глаголом *говорить*; во-вторых, с

глагольными лексемами, которые объективируют в языке *макроконцепт* «говорить» на более низких ступенях иерархической структуры ФКС «Речевая деятельность».

3. Основу ФКС «Речевая деятельность» составляет *макроконцепт* «говорить», отражающий совокупность знаний о речевой деятельности *homo loquens*, вербализованных в языке.

4. Объективация *макроконцепта* «говорить» осуществляется в языке посредством глаголов речи с опорой на функции речевой деятельности и функции языка, что предопределяет сложную структуру ФКС «Речевая деятельность», отражающую основные аспекты конкретизации процессов говорения.

5. Важнейшие языковые функции (*коммуникативная, информативная, когнитивная, номинативная, эмоционально-оценочная, интерпретирующая*), предопределяющие глубину и объёмность функционально-когнитивного потенциала глаголов речи в русском и в английском языках, рассматриваются в динамике вербальной коммуникации.

6. *Акустический, информативный, субъектный, интенциональный* аспекты речи проявляются как языковые *универсалии*. Больше всего русско-английских векторных соответствий встречается при рассмотрении информативной функции языка. В вербализации явлений окружающего мира с опорой на эмоционально-оценочную функцию, русский язык располагает более развитым арсеналом средств для выражения эмоций и оценок (положительных и отрицательных). Идиоэтнические элементы в данной сфере нечастотны и встречаются в основном при рассмотрении эмоционально-оценочной функции.

Теоретическое значение диссертации заключается в том, что в работе предлагается функционально-когнитивная классификация языковых единиц с учётом всего объёма информации, отраженной в словах и словарных блоках. Применение лингвокогнитивного анализа даёт возможность по-новому интерпретировать функциональные и семантические особенности глаголов речи.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных результатов в сравнительной типологии английского и русского языков, в разработке лекционных и практических курсов по лексикографии, лексикологии, спецкурсов и спецсеминаров по когнитивной лингвистике. Материалы исследования открывают новые аспекты в изучении теоретических и практических вопросов преподавания иностранного языка, т.е. могут использоваться на практических занятиях как для носителей русского языка, изучающих английский язык, так и наоборот. Полученные материалы могут быть полезны в переводческой деятельности.

Источниками исследования послужили данные толковых, синонимических, идеографических словарей русского и английского языков, русско-английских, англо-русских, а также функционально-когнитивных словарей русского и английского языков (Longman Dictionary of Contemporary English; Oxford Dictionary of Current English; Webster's New World Dictionary; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners; Collins Russian – English, English – Russian Dictionary; Chapman R. Dictionary of American slang; Функционально-когнитивный словарь русского языка (языковая картина мира); Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сферы «говорить», «слышать», «видеть»).

Материалы исследования составляют фрагменты функционально-когнитивных словарей и более 1000 словоупотреблений английских и русских

глаголов речи, взятых для исследования в качестве рабочего материала из художественных произведений русских, английских и американских писателей.

Апробация работы. Основное содержание настоящей работы и результаты исследования были представлены в виде докладов и сообщений на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: на научно-методической конференции Башкирского государственного университета «Лингво-методические проблемы обучения иностранным языкам в ВУЗе» (Уфа, 2004); на IV Международной научно-практической конференции «Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации» (Уфа, 2013), в том числе вошли в сборники научных статей: в сборник статей Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского «Языковые и культурные контакты различных народов» (Пенза, 2003); в сборники научных статей региональной научно-методической конференции Уфимского государственного университета экономики и сервиса «Образование в высшей школе: современные тенденции, проблемы и перспективы развития» (Уфа, 2003, 2004, 2007); в межвузовский сборник научных статей «Коммуникативно-функциональное описание языка» (Уфа, 2009, 2010); в сборник научных статей заочной IX Международной научно-технической конференции «Инновации и перспективы сервиса» (Уфа, 2012). Результаты, полученные в ходе исследования, докладывались и обсуждались на расширенном заседании кафедры иностранных языков экономического факультета и послевузовского образования ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет». По теме диссертации издано 15 работ, в том числе 3 в научном журнале «Вестник Башкирского университета», №3 (I) (Уфа, 2011) и №1 (Уфа, 2012), рекомендованном ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации материалов кандидатских диссертаций.

Структура работы обусловлена кругом исследуемых вопросов и включает в себя: введение, три главы, заключение, библиографию, насчитывающую 288 источников использованной литературы и 22 лексикографических справочника, а также список художественной литературы на русском и английском языках, послужившей материалом для авторской картотеки. В приложении представлены таблицы, схемы, диаграммы и гистограммы. Общий объём работы составляет 256 страниц.

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение включает в себя краткое обоснование актуальности темы, проблематику предпринятого исследования; определяют его объект, предмет, источники; даётся описание основных методов исследования; формулируются цель и задачи работы, её научная новизна, теоретическая и практическая значимость; перечисляются основные положения, выносимые на защиту.

Глава I «Теория речевой деятельности как основа описания ключевых средств объективации в языке функционально-когнитивной сферы «Речевая деятельность» представляет собой описание теоретической базы исследования и посвящена рассмотрению основополагающих для данной работы вопросов, необходимых в качестве обоснования избранных подходов к изучению глаголов речи, посредством которых вербализуется *макроконцепт* «говорить». В этой главе определяется

перспективность функционально-когнитивных исследований; описываются процессы концептуализации и проблемы вербализации концептов; рассматривается обоснованность применения функционально-когнитивного подхода в исследовании языка и речи в условиях современных концепций развития лингвистики; анализируются основные проблемы речевой деятельности, в основе которой лежит информативность и интенциональность; описывается реализация функций языка в речевой деятельности, их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Функционально-когнитивный подход в исследовании единиц языковой системы позволяет включить их в речевую коммуникацию и связать с предметным миром и с когнитивной деятельностью человека, а также с условиями речевого общения в конкретной языковой среде. В речевой деятельности соединяются как единый процесс мышление, язык и речь. Когнитивный подход к языку опирается на «связь языка и мышления и реконструкцию когнитивной структуры по данным естественного языка» [Кибрик, 2008].

Концептуализация – это один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы. М а к р о к о н ц е п т выражает наиболее абстрактное, глобальное значение, составляя вершину концептуального образования. В макроконцепте представлена вся совокупность знаний об объектах и ситуациях во всём многообразии связей и отношений [Ч. Филлмор, Т. Виноград, М. Минский, Р.У. Лангаккер, У. Чейф, Дж.А. Андерсон, Т.А. ван Дейк, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, А.А. Кибрик, Т.А. Кильдибекова и др.].

Вербализация концептов – это подведение их под существующие в языке слова [Чейф, 1983]. «Концепт вербализуется, обозначается словом, иначе его существование невозможно» [Бабушкин, 1996]. *На первом этапе вербализации концепта* происходит его осмысление. *На втором этапе* формируется внутренняя форма слова – смысловой центр концепта-образа. *На третьем этапе* происходит метонимическая концентрация образа, в результате чего возникает образное понятие (обыденное, донаучное), которое, в свою очередь стимулирует формирование символического значения слова. *На четвёртом этапе* формирования концепта и его вербализации появляется установка на миф, то есть действие символа в парадигме данной культуры. На этапе становления отношения идеи (понятийного ядра) к знаку концепт из совокупности аморфных признаков превращается в структурированное образование, а слово, его вербализующее, обретает терминологический статус [Алефиренко, 2005].

Ориентация на функционально-когнитивную теорию связана с исследованием реализации функций языка в речевой деятельности [В.А. Аврорин, Г.В. Колшанский, Н.А. Слюсарева, Е.С. Кубрякова, Т.А. Кильдибекова и др.].

Концепция речевой деятельности как вида человеческой деятельности впервые была предложена Л.С. Выготским, по мнению которого, порождение речи представляет собой процесс превращения мысли в слово, т.е. материализацию и объективацию мысли в слове. Язык «покрывает лишь вербальную часть мышления» [Серебренников, 1988]. Язык, речь, речевая деятельность принадлежат области неосознаваемого и, в то же время, являются «необходимым инструментом сознательного отражения» [Касевич, 1989].

Ведущее место среди функций языка принадлежит коммуникативной функции.

Она является изначальной, первичной функцией, «ради которой и появился язык» [Аврорин, 1975]. Двумя главнейшими базовыми функциями языка являются *коммуникативная* и *когнитивная* (гностическая, познавательная). Другие функции (аккумулятивная, эстетическая, эмоциональная и др.) «относятся к второстепенным, производным от двух основных функций языка – быть средством общения и орудием познания» [Кодухов, 1988: 17].

Коммуникативная функция языка, т.е. функция общения, непосредственно представлена в минимальной единице ситуации общения – в речевом акте. Теория речевых актов, вызвавшая особый интерес к прагматике языка, рассматривает в качестве центральной единицы коммуникации речевой акт, осуществляющий неречевую цель говорящего – его намерение произвести определённое воздействие на адресата. Теория речевых актов связана с деятельностью Оксфордской школы Дж. Остина, которая впервые привлекла внимание к тому, что произнесение высказывания может представлять собой не только сообщение информации, но и совершение многих других действий. В процессе общения субъект речи не просто строит предложения, но использует эти предложения для совершения таких действий, как информирование, просьба, совет, вопрос, приказание, предупреждение [Сёрль, 1986; Арутюнова, 1976; Бондарко, 2011; Падучева, 2004]. Дж. Остин, рассматривая теорию речевых актов, вводит понятие "иллокутивность" и "иллокутивная сила". Понятие "иллокутивность" по мнению автора входит в тройную оппозицию, когда в любом речевом акте различаются три аспекта или три разных акта, осуществляемые говорящим: *локутивный* акт – акт собственно произнесения предложения; *иллокутивный* акт – реализация коммуникативного намерения говорящего; *перлокутивный* акт – получение результатов речевого воздействия [Остин, 1962].

Коммуникативная функция тесно связана с когнитивной функцией языка. Язык является средством формирования и выражения мысли, и эта его сторона реализуется посредством когнитивной функции. *Когнитивная функция* осуществляет сложное взаимодействие языка, мышления и объективной действительности, рассматриваемое в современном языкознании в аспекте концептуализации, обобщения ментального опыта человека, что способствует созданию концептуальной картины мира.

Когнитивная и коммуникативная функции тесно связаны с интерпретирующей функцией. *Интерпретирующая функция*, т.е. способность по-разному обозначать факты внеязыковой действительности, обусловлена спецификой лингвокреативного мышления. С одной стороны, реализация этой функции отражает окружающую человека действительность; с другой, самым тесным образом связана с наличными ресурсами языка – лексическими, грамматическими и словообразовательными [Серебренников, 1988; Гак, 1972]. Взаимодействие когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей функций обусловлено наличием такого явления, как вариативность, которая выступает как языковая универсалия, проявляющаяся во всех языках.

Язык - это не только орудие, служащее для передачи мысли, но и средство выражения эмоций. Поэтому *эмоционально-оценочная функция* обусловлена ориентацией речевой деятельности на адресата, стремлением говорящего передать оценку сообщаемого и воздействовать на собеседника [Арутюнова, 1980; Бенвенист, 2002; Балли, 2009; Вольф, 1985; Красавский, 2001; Степанов, 2007; Телия, 1994 и др.]. Говорящий, реагируя на положение дел в мире, давая им оценку, выражая своё эмотивное отношение к ним, отбирает подходящие языковые единицы и правила их комбинации, руководствуясь избранной стратегией речевой деятельности,

рассчитанной на «коммуникативную удачу» [Грайс, 1985; Сёрль, 1986].

Речевая деятельность является основой коммуникативных интенций и базой интенциональных полей. *Интенциональность* – это качество, внутренне присущее порождению текста [Бёк, 1990]. Речевые действия интенциональны – в них содержится потребность, вынужденность, необходимость, желание или обязанность говорящего изменить прагматическую ситуацию.

Глава II «Функционально-когнитивная характеристика ядерных компонентов объективации в языке ФКС «Речевая деятельность» на материале русского и английского языков» посвящена рассмотрению истории изучения глаголов речи – основных средств объективации ФКС «Речевая деятельность». В этой главе описывается многоаспектное системообразующее объединение языка – *функционально-когнитивная сфера*, а также анализируются функционально-когнитивные особенности ядерных компонентов ФКС «Речевая деятельность»; характеризуются *акустический, коммуникативный, информативно-содержательный* аспекты конкретизации глаголов речи на материале русского и английского языков.

Выделяемые со времён античности глаголы речи представляют собой одну из самых древних, объёмных, продуктивных и активно функционирующих подсистем лексико-семантической основы языка (как в русском, так и в других языках). Глаголы класса *Verba dicendi* – одна из тех групп, которая подвергалась разностороннему анализу в лингвистической науке.

Современные исследования лексики опираются на положение о системности языка в целом и отдельных его ярусов. Преимуществом такого подхода является то, что лексические единицы анализируются в рамках определенного лексического объединения: лексико-семантической группы (ЛСГ), семантического поля (СП), тематической группы (ТГ).

Совершенно новый тип классификации вокабуляра, который производится с учётом коммуникативной деятельности человека, т.е. живого употребления слов, предлагает в своем словаре активного типа – «Функционально-когнитивный словарь русского языка (языковая картина мира)» Т.А. Кильдибекова, где впервые для упорядоченной презентации лексики используется многоаспектное образование языка, названное автором *функционально-когнитивной сферой (ФКС)*.

ФКС – многомерное образование, позволяющее выделить из словарного состава языка его наиболее объёмный фрагмент, так или иначе связанный с человеком: *слышать, видеть, двигаться, говорить* и т.п. Основу сферы составляет *макроконцепт*, который предполагает различные аспекты развертывания общего понятия. *Макроконцепт* – это целостное образование с широким спектром значения, создающее когнитивную субстанцию языка и выступающее в качестве базы языковой картины мира. ФКС, будучи довольно объёмной, распадается на более узкие блоки – семантические поля. Семантическое поле внутри ФКС представляет собой иерархически организованное множество лексических единиц, объединённых общим концептом и отражающих в языке определенную понятийную область. Так, дифференциация ФКС «Речевая деятельность» осуществляется в семантических полях «говорить на каком-либо языке», «общаться», «информировать, сообщать», «спорить», «критиковать», «обращаться к кому-либо», «советовать» и т.д. [Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сфера «говорить»), Кильдибекова, Гафарова, Шарипова, 2004]. Как показывает исследуемый материал, семантические

поля и составляющие их менее объёмные парадигматические группы получают функциональную значимость именно в более крупных блоках – функционально-когнитивных сферах.

ФКС, представляя собой самый обширный фрагмент лексической системы, выступает как языковая универсалия, позволяющая успешно осуществлять параллельное описание фрагментов лексических систем разных языков: в первую очередь, обозначение событий, ситуаций, т.е. глагольных номинаций, а также их субстантивных распространителей – существительных, и признаков конкретных – прилагательных и наречий. При этом ведущая роль при сопоставлении языков в структуре ФКС отводится глаголу, поскольку именно он выступает как центральный систематизирующий элемент, предопределяющий аспекты функциональной и ситуативной категоризации макроконцепта.

Самое главное преимущество при рассмотрении словарного состава языка посредством ФКС – это **свойство открытости**, т.е. возможности пополнения вокабуляра новыми словами без перестройки общей схемы, что позволяет ей легко адаптироваться к происходящим в языке изменениям.

ФКС речевой деятельности определяет один из важнейших аспектов жизнедеятельности человека, основу которой составляет макроконцепт «говорить», предполагающий различные аспекты актуализации общего понятия в процессе речевой деятельности. Данный макроконцепт передает многоаспектное содержание, представленное во внутреннем лексиконе человека в виде специфических блоков языковых элементов. Ядро, базу макроконцепта образуют глаголы *говорить* / *сказать* и соответствующие эквиваленты в английском языке *to speak* / *to say* / *to tell*, которые обозначают «имя сферы» речевой деятельности и являются наиболее общими маркерами речемыслительного акта. Действия, передаваемые названными глаголами, предполагают ряд взаимосвязанных проявлений процесса речи.

Актуализация макроконцепта «говорить» производится, в первую очередь, в смысловой структуре многозначных глаголов *говорить* / *сказать*, поскольку описание самого концепта связано с толкованием значения его имени и ближайших обозначений. Концепт «говорить» толкуется в дефинициях многозначного глагола *говорить*. Базовым значением, на котором основываются все остальные значения многозначного глагола *говорить*, можно обозначить как: «пользоваться, владеть устной речью» и его оттенок «владеть каким-либо языком». В английском языке это значение передают глаголы *to speak* / *to talk*. Второе толкование глагола *говорить* – «выражать в устной речи какие-либо мысли, мнения, сообщать факты и т.п., произносить что-либо» – полностью включает в себя первое и передаётся в английском языке глаголами *to talk* / *to tell* / *to say*. Третьему варианту значения глаголов *говорить* / *сказать* – «вести беседу, разговаривать, толковать о ком, о чём-либо, обсуждать что-либо» соответствуют английские глаголы *to speak* / *to talk*.

Каждый вариант дефиниции соотносится с определенными аспектами, которые передаются при помощи распространителей, конкретизирующих ту или иную грань макроконцепта «говорить», а именно:

общий процесс речи – умение говорить на каком-либо языке: *говорить по-русски* // *to speak some language: to speak the Russian language*;

объект – говорить/сказать что: что пошел дождь // *to tell / to say what: that it started raining*; – говорить/сказать о ком, о чём: *о детях* // *to tell / to say / to talk about whom-what: about children*;

адресат – говорить / сказать кому: отцу // to tell / to say to whom: to father;
внешняя сторона речи – а) говорить / сказать каким голосом: мягким // to say / to speak / to talk / to tell in what kind of voice: in a soft voice; б) говорить / сказать каким тоном: доверительным // to say / to speak / to talk / to tell in what kind of tone: trusting;

состояние говорящего – говорить / сказать с каким чувством: спокойно, страстно / горячо / пылко // to say / to speak / to talk / to tell feeling what: quietly, passionately;

отношение к собеседнику – говорить / сказать какие слова (вещи): красивые // to say / to speak / to tell what kind of words (things): fine;

цель речи – говорить / сказать для чего, с какой целью: чтобы сообщать // to say / to tell / to speak in what purpose / for the purpose of what: to inform / to tell / to report;

количественный аспект – а) говорить / сказать много: пространно, много-словно // to speak / to tell / to say a lot: volubly, diffusively; б) говорить / сказать мало: вкратце, сжато // to speak / to tell / to say not much: briefly, compendiously;
в) молчать // to be silent / quiet about / to keep silent;

оценка достоверности информации – а) говорить / сказать правду: говорить правду // to tell / to say the truth: to tell the truth; б) говорить / сказать неправду // to tell / to say lie / untruth / to lie.

Звуковая сторона речевой деятельности реализуется в акустическом аспекте. Для выделения данного фактора релевантны формы осуществления речевого действия – акустико-физиологические характеристики речи: темп речи, её тембр, высота голоса, степень громкости, особенности артикулирования. Универсальным способом выражения всех распространителей со значением акустической характеристики является существительное *голос*. Благодаря голосовой игре, падению и повышению тона, изменению силы и тембра голоса, речь приобретает этические и эстетические характеристики *говорить голосом*: красивым / прекрасным, тихим и т.п. // to speak / to say in a: beautiful, quiet, small voice; возможные ассоциативные акустико-физиологические характеристики – сравнение человеческой речи со звуками живого и неживого мира: с треском, шумом, грохотом, пением птиц, криком животных и др.: *стрекотать, щебетать, вить, кудахтать / квохтать, каркать, пищать, скулить, рычать, хрипеть* и др. // to chirp, to twitter, to howl, to cluck, to croak, to peep, to whine, to snarl at, to wheeze; акустический аспект также рассматривает степень чёткости произношения и отчётливости восприятия речи, которая лучше всего вербализуется глаголами: *бубнить, бормотать / бурчать, гугнявить, лопотать, чеканить (слова), цедить (сквозь губы, зубы)* и десятками других // to grumble (to oneself) / to drone (out) / to thrum, to murmur / to mutter / to tumble, to nasalize / to sniffle / to snuffle (out) / to twang / to speak through one's nose, to mint (words), to force out (through lips, teeth), а также наречиями *шепотом, звонко, вятно*, и др. // in a whisper, sonorously, clearly. Также акустический аспект речевой коммуникации передает атрибуты, обозначающие пол или возраст лица – обладателя голоса, либо определенный тип голоса: *голос детский, женский, бабий, мужской, юношеский, мальчишеский, девичий, взрослый, молодой, старческий* // childish, female, women's, male, youthful, boyish, girlish / lady's, grown-up, young, old person's voice.

Сопоставительная характеристика исследуемых нами единиц,

объективирующих акустический аспект речевой деятельности, выявила следующие соответствия: для 143 единиц в русском было найдено 173 эквивалента в английском языке. Как показывают данные, большую часть материала составляют русско-английские векторные соответствия. Такие экспрессивы как *зыкать* / *зыкнуть*, *рявкать* лакунарны для английского языка; а такие лексемы, как *кидать*, *ронять* (слова) // *to pass (comment)*, *to cast*, *to make haughty remarks*, представляют собой примерные соответствия, что отражает *идиоэтнические особенности* сравниваемых языков.

Речевая деятельность представляет собой сложное и системно организованное образование. В сфере речи реализуются основные функции языка и речи: *коммуникативная, информативная, эмоционально-оценочная и интенциональная*.

Коммуникативная функция занимает ведущее положение среди вышеперечисленных функций. Её можно назвать первичной, в связи с тем, что язык, появился изначально как средство общения. В нашем исследовании мы рассматриваем 60 глаголов и глагольных словосочетаний, отражающих коммуникативную функцию языка в русском языке, и находим им 59 соответствий в английском языке, среди которых несвойственные носителям английского языка: *допытываться*, *выпытывать*, *выведывать*, *дознаться*, обладающие коннотативным значением; *отзываться* / *отозваться*, *откликнуться*, имеющие в большей степени переводные соответствия в английском языке *to answer*, *respond (to)*; *поддакивать* / *поддакнуть кому-либо*, чему в английском, например, может частично соответствовать эквивалент, передающий лишь оттенок значения этой межязыковой англо-русской лакуны – глагол *to echo – вторить*. Как полагает В.Ю. Апресян, «полная переводимость – чрезвычайно редкое явление», поэтому не следует из-за «отсутствия точных эквивалентов... делать вывод о глобальных различиях в менталитетах и эмоциях» [Апресян, 2011: 22]. Также ярко выраженной национальной спецификой обладает глагол *вклиниваться*.

Наибольшей функциональной активностью при объективации в языке такого аспекта концепта *говорить*, как речевой контакт, обладают глаголы *спросить* / *спрашивать* // *to ask* / *to demand sth.* / *to question or test (a pupil)*; *отвечать* / *ответить* // *to answer* / *to respond*. Ср.: – *Вы, вероятно, хотели спросить "насчет кур"?* (М. Булгаков); *I'm not interested in auctions. I want to ask about a house* (А. Christy); – *Ну собирав!* – *ответил* я с вызовом (Ю. Нагибин); *And she says odd things and doesn't sometimes answer you right when you ask her a question* (А. Christy).

Желание отразить мир таким, каков он есть, порождает рациональное мышление. Потребность выражения рационального мышления и сообщения информации о результатах этого мышления определяют соответствующую функцию, которую можно назвать *информативной функцией* [Киселёва, 1971].

Наряду с глаголами *говорить* / *сказать* // *to speak* / *to tell*, в наиболее чистом виде денотат *сообщать факты, информацию, информировать* вербализуют глаголы, отражающие информативную функцию языка: *сообщить*, *заявлять* / *заявить*, *объявить* / *объявлять*, *извещать*, *передавать* (информацию), *информировать* / *осведомить*, *знакомить* / *ознакомить*, *излагать* / *изложить* и т.п. // *to inform* / *to tell* / *to report*, *to declare* / *to announce*, *to claim*, *to pass information(to)* / *to let someone know* / *to communicate (to)* / *to verbalize* / *to express in words*, *to acquaint sb. with (the state of affairs)*, *to expound* / *to state* / *to articulate* etc. Ср.: – *Я был два раза, – сообщил* Вася, – *раз по башке, другой по крышке гроба* (Ю. Нагибин); *But something informed him that if they had had any trouble they had got rid of it* (М. Twain); Всего в сопоставляемых нами

языках мы рассматриваем 22 русскоязычных единицы объективирующих информативную функцию, которым соответствуют 50 эквивалентов в английском языке.

Для передачи разной по объёму информации при рассмотрении *количественного аспекта* глаголов говорения (в рамках нашего исследования 104 единицы в русском и 126 единиц в английском языке) наиболее выразительно передают заложенную в них семантику такие как: *рассказывать / рассказать, пересказывать / пересказать, рассуждать, освещать / осветить, обозревать, поведать, повествовать, передавать / передать* // *to tell / to narrate / to relate, to retell / to tell again / to reiterate / to harp on (upon), to discuss / to debate / to argue / to reason, to highlight / to light up, to observe / to edit, to impart / to describe (events) in order, to pass information (to) / to let someone know / to inform / to communicate (to) / to verbalize / to express in words.*

Значение “говоря, произнести, сообщить много чего-либо” вербализуется глаголами *наговорить, болтать что-либо, заговорить, распространяться, философствовать* // *to talk / to say a lot, to chatter / to jabber / to babble something, to wear somebody out through constant talk, to spread / go into detail, to philosophize.* Глаголы, обладающие аналогичным коннотативным значением: *рассусоливать, разглагольствовать, растянуть, развезти, сыпать* – типичны для использования в русскоязычной среде.

Большой объём информации часто вербализуется в разговорной речи такими вокабулами, как *говорить без умолку / беспрестанно, не умолкая / не переставая / непрерывно, болтать (без умолку)* // *to speak incessantly, without stop, continuously; to talk / to chat / to chatter / to drivel / to blab incessantly* и фразеологическим сочетанием *трещать без умолку / без конца to talk nineteen to the dozen.* Словосочетания *говорить / сказать много, мало, кратко, сжато* // *to speak / to say / to tell a lot, a little / not to say / to tell / to speak much, to speak / to say / to tell briefly / shortly, in a condensed manner* также указывают на количество передаваемой информации.

Небольшой объём передаваемой информации выражается в речи при помощи обычных глагольных словосочетаний *изложить лаконично* // *to recount / to state laconically / succinctly* или фразеологических сочетаний *сказать слово* // *to say only one word* в значении “использовать единицу языка, служащую для называния отдельного понятия”; *сказать два слова* // *to say only two words* в значении “кратко поговорить”; *сказать несколько слов* // *to say a few words* в значении “сказать кратко, мало, ясно”. Отсутствие какой-либо информации, т.е. объекта речи, может выражаться по-разному. Частотны конструкции, отрицающие наличие объекта речи, например, *ничего не говорить*. В отличие от русского языка, в английском внутри одной смысловой группы допустимо только одно отрицание и чаще всего это отрицание передаётся неопределённым местоимением *nothing*: *to say / to tell nothing / not to say / to tell anything.*

Отсутствие передачи вербальной информации объективируется в языке глаголом *молчать*. *Молчание* является сложным знаком и в рамках лингвистического исследования выступает единицей паралингвистической системы, элементом лингвокультурного, речеповеденческого кодов, единицей эмотивного плана, кодирующей разноплановую информацию.

В значение глагола *молчать* и его производных: *промолчать, помолчать, замолчать, замалчивать, умолчать, отмолчаться / смолчать* // *to say nothing, to keep*

silent, to stop talking, to keep silent / to remain silent входит отрицание. Ср.: *Он хотел было ещё что-то прибавить, но промолчал в неусходной тоске* (Ф.М. Достоевский); *Be seated somewhere; and until you can speak pleasantly, remain silent* (Ch. Bronte).

Молчание может быть вызвано разными причинами: «растерянностью, мыслями о другом, нерешительностью и иными причинами» [Арутюнова, 2000].

Молчание часто вносит в межличностные отношения дисгармонию и даже враждебность. Как правило, такой паралингвизм, как молчание скрывает за собой тот или иной вид оппозиции. Формулой *молчание – знак согласия* пользуются в прямой речи, напоминая адресату, что возражения следует эксплицировать. В англоязычном общении молчаливый собеседник также часто получает отрицательную оценку. Это объясняется тем, что в традициях англо-американской культуры соблюдение общепринятых условностей направлено на приятное и успешное протекание речевого взаимодействия, а «подозрительно» молчащий собеседник нарушает предписанные обществом нормы поддержания общения, и, следовательно, создает негативное впечатление [Носова, 2010].

Феномен молчания заключается в том, что *молчание* оборачивается в *говорение*, так как на молчание переносятся признаки говорения. Поэтому граница между молчанием и говорением становится весьма условной, т.е. молчание вполне совместимо с говорением [Крейдлин, 2000].

Такой количественный аспект, как *молчание* (или отсутствие речи или не ответ) объективируют в рамках нашей работы 17 единиц русского и 18 единиц английского языка.

Для оценки достоверности высказывания активно используются в речи сочетания глаголов *говорить / сказать* с существительным *правда – говорить / сказать правду // to tell / to say the truth*, которые содержат оценку истинности или ложности высказываний субъекта речи. По мнению Н.Д. Арутюновой, «центральное место в поле речеповеденческих актов, связанных с категорией истинности, занимает концепт «правда» [Арутюнова, 1999]. О «говорении правды» речь заходит, когда нарушаются нормы общения, так как а priori подразумевается, что люди должны говорить друг другу правду. Понятия, объективированные в языке словосочетаниями *говорить правду-матку, правду резать, правду рубить*, свойственны исключительно носителям русского языка; по отношению к английскому языку их можно назвать лакунарными.

Глаголы дают разное представление об истинности или ложности передаваемой информации. М.Я. Гловинская выделяет среди них такую группу, где предполагается «истинность информации», справедливо отмечая, что глаголы *извещать / уведомлять / осведомлять, предупреждать // to inform / to notify, to warn* «не сочетаются с показателями ложности информации. В остальных случаях информация может быть как верной, так и неверной» [Гловинская, 2000].

Сочетания *говорить неправду / ложь // to tell/ to say lie, untruth*, вербализующие данный концепт, употребляются в сопоставляемых языках несколько редко. Чаше значение «говорить неправду» передается синонимичными по смыслу глаголами *врать, обманывать, лгать, сочинять / рассказывать (небылицы, вымыслы, сказки), наговаривать, оговаривать // to fib, to deceive / to cheat / to fail, to lie, to compose / to tell / to say (tall stories, fantasy, fairy-tales), to slander, to stipulate*. Ср.: *Бабушка обманул*, – думал я (В. Астафьев); *“You cannot deceive me,” she murmured* (A. Christy).

Итак, такой аспект, как оценка достоверности передачи информации

объективируют в рамках нашего исследования 25 единиц в русском языке и 23 единицы в английском языке.

В главе III «Описание средств объективации ФКС «Речевая деятельность» в русском и английском языках с опорой на эмоционально-оценочную и интенциональную функции языка» анализируются средства объективации выражения чувств, оценок и интенций в свете рассмотрения субъектного аспекта вербальной интеракции.

Язык является не только средством передачи информации, но и уникальным средством выражения чувств, социальных и индивидуальных оценок и различных интенций, отражения сферы субъективного восприятия мира. Оценка пронизывает все сферы человеческого бытия и выражается в содержании речи. Именно субъект речи дает оценку окружающему миру, поэтому в основу оценки положен антропоцентрический принцип языка [Вольф, 1985]. Автор речи не может индифферентно относиться к сообщаемому. Он не просто что-то объективно констатирует или о чём-то безучастно повествует, а преподносит всё со своей точки зрения, обнаруживая заинтересованность и участие своего «я» во всём, о чём он говорит: то, чего он касается в речи, должно его устраивать или нет, вызывать его положительную или отрицательную реакцию. «В процессе практической деятельности человек, с одной стороны, познаёт окружающий мир, с другой стороны, оценивает его. Оценка является составной частью практического взаимодействия человека и окружающей его действительности. Осознание самого себя, оценка окружающего мира, построение особой картины мира является одним из проявлений когниции» [Зайнуллина, 2012: 480].

Интеллектуальная оценка положения вещей как вероятного и невероятного, желательного или нежелательного для субъекта вербализуется универсальной сочетаемостью глаголов речи *говорить / сказать* // *to speak / to say / to tell* с наречиями психофизиологического состояния, а также с наречиями-конкретизаторами, передающими отношение, чувства, эмоциональность и другие характеристики оценочной стороны речи говорящего.

Говорящий во время беседы может испытывать самые разные чувства к собеседнику, к предмету их разговора. В зависимости от сложившейся ситуации субъект речи может *говорить / сказать насмешливо, скептически, ехидно, мягко, миролюбиво, умильно, нежно, вежливо* и т.п. // *to say / to speak / to talk / to tell mockingly, maliciously / spitefully, gently, peacefully, touchingly, affectionately, politely; говорить / сказать со смехом, с издевкой, с усмешкой, с менлою* // *to say / to speak / to talk / to tell laughing, jibing / making a mockery of, sneering / with a slight smile, with warmth*.

Как отмечает А. Вежицкая, в английском языке глаголы называющие какую-либо эмоцию представляют собой «вымирающую» категорию, их становится все меньше, и они семантически и стилистически ограничены (так, по данным BNC, существительное *pity* встречается в двадцать раз чаще, чем глагол *to pity*) [Вежицкая, 1997]. В то же время, по мнению В.Ю. Апресян, «в русском языке глаголы со значением эмоций (*жалеть, стыдиться, радоваться, ужасаться*) являются регулярным явлением» [Апресян, 2011].

В.Ю. Апресян отмечает общее свойство устройства системы эмоций в русском и английском языках: «в обоих языках количество «негативных» кластеров (*страх, гнев, грусть, отвращение, стыд, жалость, зависть, ревность, обида*) существенно

превышает количество «позитивных» (*радость, гордость, благодарность, восхищение*). Язык, отражая общечеловеческое когнитивное устройство, фиксирует негативное и отклоняющееся от нормы в гораздо большей степени, чем позитивное и соответствующее норме» [Апресян, 2011].

На недоброжелательное отношение к собеседнику указывают глаголы *грубить / грубиянить, дерзить, загибать / загнуть, рычать, ехидничать / ехидствовать, злословить, язвить // to be rude to sb. / to be impertinent, to spout, to snarl at, to make spiteful remarks, to indulge in ridicule, to speak sharply to / to be scathing at sb's expense*. Недовольство собеседник также может выразить глаголами *ворчать (как старый дед) / бурчать (себе под нос) / брюзжать, фыркать, шипеть (как змея или как гусь), понтировать // to grumble (at) / to chide / to grouch / to grouse (at, about) / to nag (at) / to gobble / to scold / to snarl (at, against) / to growl (out), to complain, to hiss (like a snake or goose), to murmur*. Ср: – *Давай-давай, перемени позицию, – связал Егорша (Ф. Абрамов); “You do not see why I am being so impertinent, Mademoiselle?” (A. Christie).*

Весёлое, шутливое настроение говорящего, его хорошее отношение к собеседнику передается в речи глаголами *острить / шутить / остроумничать // to joke / jest (at, with) / to wisecrack / to witticize / to make witticisms / to crack jokes (esp. in entertainment) / to gag*.

Кроме того, физическое или эмоциональное состояние говорящего, отношение говорящего к собеседнику и к содержанию сказанного в значительной мере объективируются в языке такими *голосовыми признаками*, как *высота, сила или громкость, тембр* голоса, *фонации* и *тон*, которые уточняют, а иногда однозначно задают тот или иной конкретный тип речевого акта в коммуникации. Причитание, нытьё, клятва, уверение, наставление, поучение, вопрошение, подбадривание, утешение, извинение, оправдание, упрёк, оскорбление, ругань, или различного вида апеллятивы связаны с определенным видом голоса. Поэтому в ходе диалога *голос* служит чрезвычайно мощным инструментом воздействия, убеждения, подавления. С его помощью можно выразить самые разные чувства и отношения: нежность и ласку, сострадание и покорность, презрение и ненависть; в голосовом интонировании можно услышать иронию и насмешку, радость и сожаление, восторг и злорадство, восхищение и боль. В связи с этим можно выделить сочетания лексемы *голос* с прилагательными, вербализующими психические состояния говорящего: *голос грустный, радостный / весёлый, возбужденный / взволнованный, робкий, несчастный* и др. // *sad / melancholic, joyful, cheerful, excited, shy, unhappy* или чувства, испытываемые обладателем голоса: *голос требовательный, дружеский, предупредительный, равнодушный*, и т.п. // *peremptory, friendly, preventive, indifferent voice*. Сочетания прилагательных со словом *голос* также могут вербализовать различные отношения между говорящим и слушающим, и в частности: пространственное положение лица по отношению к адресату или наблюдателю, степень знакомства и эмоциональное отношение к адресату, а также социальные или интерактивные особенности общения (например, субординативное положение говорящего над слушающим или наоборот, вежливость и ряд других особенностей): *голос далёкий / отдалённый* и т.п. // *distant voice*; *голос знакомый, незнакомый, чужой* и т.п. // *familiar, unfamiliar, someone / somebody else's voice*. Ср: – *Рехнулся! – донесся до Петрухи дрожащий от ужаса или от гнева голос Жоры (В. Астафьев); “Feel anything?” Linda asked with a small shiver in her voice*

(J.G. Jones).

Тон не только управляет ходом разговора, настраивая собеседников на нужную волну, но и определяет его стилистику. Тон речи свидетельствует о характере и настроении говорящего, о его отношении к адресату, заинтересованности / незаинтересованности в предмете разговора: *говорить нормальным, грубым, шутливым, грустным, надменным и др. тоном* // *to tell / to speak / to say in normal, gruff, humorous, sad / melancholic, in an haughty, subdued tone.*

Директивный, ультимативный, командирский, властный, агрессивный и т.п. тон // *directive, ultimative, commanding, edifying, aggressive tone*, с одной стороны; и извиняющийся, просительный, кокетливый / заунывающий / флиртующий, жалобный и т.п. тон // *apologetic, pleading, flirtatious, plaintive tone*, с другой стороны, свидетельствуют о неравенстве коммуникативных или социальных ролей собеседников и, возможно, о сознательном намерении одного из них занять в разговоре доминантное положение. Главное, особенно при чётко выраженном неравноправии социальных ролей, – *попадание под нужный тон*, что оценивается чаще, как успех, достигнутый в результате сознательных усилий. Ср.: – *У ней ума будь здоров сколько, – поучающим тоном говорит Валерий* (В. Астафьев); “*Matter of fact, sir,*” *said Albert in a slightly apologetic tone.* “*I know most of it*” (A. Christy).

Тоны умножают возможность поиска различных вариантов, альтернатив, разных форм ведения диалога.

Мы рассматриваем в нашем исследовании 258 единиц, объективирующих эмоционально-оценочную сторону речевой деятельности в английском языке и 264 эквивалентные единицы в русском языке, в числе которых характеристики голоса и тона, отвечающие за эмоциональную составляющую речи, – 125 в английском и 132 в русском языке. Именно в этой сфере вербальной интеракции нами было выявлено наибольшее число лакун. Как правило, в английском языке отсутствуют концептуальные эквиваленты самых грубых негативных эмоциональных проявлений. В русской языковой картине мира чётко прослеживается тенденция к превалированию явной эмоциональности, в силу включенности сферы эмоций и чувств в ценностную канву ментального мира носителя русского языка. В рамках русской культуры позволительно преувеличивать свои негативные чувства, тогда как в англоязычной культуре естественно преувеличивать положительные чувства. Чувства, состояния, отношения в русском языке выражаются достаточно широким арсеналом средств, преимущественно глаголами и глагольными словосочетаниями, среди которых можно встретить следующие единицы: глаголы *загибать / загнуть*, объективирующие в переносном значении эмоционально-негативную позицию безэквивалентны в английском языке, следовательно, они представляют собой лакуну для английского языка. То, что в русском объективирует глагол *кольнуть*, в английском *to sting* – *ужалить, ехидничать / ехидствовать* имеет необычный эквивалент в английском языке *to indulge in ridicule*, который дословно переводится как “*баловаться насмешкой*”. Интересны, с точки зрения сопоставления словосочетания, которые объективируют оценку, свидетельствующую об отношении говорящего к адресату. Например: *говорить любезности, комплименты* // *to say / to tell compliments, to compliment sb. / to say soft soap*, так как, с одной стороны, *любезности* сугубо русская лексема (лакуна для английского языка), с другой стороны, *soft soap* – лексема, свойственная исключительно для английского языка (лакуна для русского языка), *говорить / сказать галиматью, ахинею, пошлости* –

лексемы исключительно русского происхождения. Экспрессивные русские глаголы *ляпнуть* / *бұхнуть* / *брякнуть*, *резать*, *рубить* / *рубануть* не свойственны англоязычной культуре. Вокабулы, отражающие подобное значение в английских словарях звучат деликатнее. Это связано с тем, что в ментальном мире носителей английского языка косвенная оценка ассоциируется со скрытой эмоционенностью. Выражение эмоциональности подавляется нормами социального поведения, проявляющимися в максимам вежливости и в маркированной ориентации английского языка на адресат. Английский язык, таким образом, в отличие от русского языка, можно назвать языком намёков и недосказанностей, которым приписывается ценность со знаком плюс.

Интенциональность является основным компонентом речевой деятельности. В речевом акте говорящий осуществляет свое намерение произвести неречевой эффект на адресата. Речевой акт считается интенциональным, если воздействие на адресата планируется говорящим. Интенциональный аспект речевой деятельности предполагает реализацию разных видов речевых действий и выражает разные намерения субъекта речи: информирование, просьбу, приказание, предупреждение, побуждение, совет, рекомендацию, предостережение, запрет, требование, распоряжение, приказ.

Приказы представляют собой попытки “заставить кого-то сделать что-то”, *запреты* – “заставить кого-то не делать что-то” [Сёрль, 1986]. Особенность *требования*, в отличие от приказа, запрета, разрешения и просьб состоит в том, что говорящий убежден, что он имеет право настаивать на том, чтобы адресат сделал то, что говорящий хочет от него [Апресян, 1969]. *Просьба* содержит в глубинной структуре предложения информацию о том, что адресат может сделать, а может и не сделать то, чего хочет от него говорящий. Для *обещания* характерно то, что оно является результатом возможного давления со стороны адресата. *Предостережение* не обязательно является попыткой заставить кого-либо избежать чего-либо. Мы предостерегаем людей от того, что считаем неизбежным, желая, таким образом, сообщить о некотором будущем событии и дать возможность подготовиться к нему. *Угроза* представляет собой “попытку кого-то сделать (скорее, не сделать) нечто”. *Совет* вовсе не попытка заставить кого-то что-то сделать в том смысле, в каком это можно сказать о просьбе. Совет напоминает “сообщение тебе того, что для тебя лучше всего” [Сёрль, 1969].

Особая роль в интенциональной сфере принадлежит речевому этикету, который, не имея информативного значения, обладает определённой значимостью. Формулы речевого этикета могут функционировать в высказываниях с транспонированной иллюкутивной силой, т.е. в косвенных речевых актах, при совершении которого говорящий придаёт своему высказыванию дополнительный смысл (вторичную иллюкутивную силу), не совпадающий с прямым значением (базисной иллюкутивной силой), например: *извинение-обращение*, *благодарность-комплимент*, *приветствие-пожелание*, *прощание-пожелание*, *просьба-приглашение*. Например: *Извините, пожалуйста, вы не могли бы показать мне дорогу до гостиницы*. Базисная иллюкутивная сила здесь – *извинение*. Но данное высказывание выполняет прежде всего функцию *обращения*. Высказывание с иллюкутивной силой извинения получает дополнительную иллюкутивную силу обращения, которая становится доминирующей. Вторичная иллюкутивная сила, *обращение*, как бы накладывается на базисную иллюкутивную силу, *извинение*.

Современные лингвисты полагают, что в условиях перехода к рыночным отношениям деловой этикет стал оказывать значительное влияние на речевой этикет русского человека. «Новая вежливость XXI века имеет свои истоки в области экономики с приходом в начале 1990-х гг. западных фирм на российский рынок; соответственно, экспортировался и корпоративный стиль поведения, принятый в центральных офисах этих фирм в Западной Европе или в Америке» [Ратмайр, 2009].

После проведения опроса российских информантов, с целью выяснения изменения межличностных форм общения в области вежливости в России постперестроечного периода, Р. Ратмайр приходит к противоречивым выводам: с одной стороны, носителей русского языка теперь шокирует грубость обслуживающего персонала, которая уже не воспринимается как норма; с другой стороны, формулы «новой» вежливости воспринимаются как отсутствие искренности «как что-то неприятное, как не свойственное русским, как свидетельство лицемерия. Избыток вежливости приравнивается в России к недостаточной искренности; а поскольку искренность, прямота и правдивость считаются особенно положительными свойствами русского национального характера, избыточная вежливость оценивается отрицательно» [Ратмайр, 2009].

Процесс вербализации макроконцепта «говорить» осуществляется посредством глаголов ФКС «Речевая деятельность», которые ориентированы на реализацию функции языка в речевой деятельности, благодаря чему конкретизируются многочисленные аспекты, раскрывается сложная структура значения макроконцепта «говорить» в иерархической организации ключевых компонентов ФКС «Речевая деятельность». *Акустический, информативный, субъектный, интенциональный* аспекты речи проявляются как языковые *универсалии*. Сопоставительная характеристика основных функций языка, объективируемых ключевыми компонентами ФКС «Речевая деятельность» на материале русского и английского языков, позволяет в рамках нашего исследования сделать выводы о том, что средств объективации основных функций в сравниваемых языках примерно равное количество. Лишь элементы вербализующие информативную функцию в сравниваемых языках представляют собой в основном русско-английские векторные соответствия.

В исследовании было обнаружено некоторое количество *лакун* в английском языке, особенно при объективации концептосферы, представляющую эмоционально-оценочную функцию. Это подтверждается тем, что русское коммуникативное поведение предполагает большую свободу выражения эмоций и оценок как со знаком плюс, так и со знаком минус, что, безусловно, отражается и в языке. Кроме того, при сопоставлении мы обратили внимание на то, что русский язык менее клиширован, предполагает больше возможностей для импровизации, творчества в языке. Интересным также является наблюдение о том, что с переходом к рыночной экономике и появлением западных фирм на рынке России, с формой (вежливого) обращения с покупателем, в русском языке, сначала в сфере делового общения, затем и в повседневной интеракции стали распространяться нормы вежливости европейского стандарта.

В **заключении** подводятся общие итоги работы, формулируются важнейшие аналитические выводы.

Приложение содержит таблицы, схемы и диаграммы

Основные положения диссертации и полученные результаты отражены в

следующих публикациях автора:

- в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Шарипова, В.А. Русские и английские глаголы сферы «говорить» со значением передачи информации, отражающие одну из основных функций языка / В.А. Шарипова // Вестник Башкирского университета. – БашГУ, 2011. Том 16. №3 (I).– С. 1101-1105.

2. Шарипова, В.А. О языке и речевой деятельности homo loquens в современных лингвистических исследованиях / В.А. Шарипова // Вестник Башкирского университета. – БашГУ, 2012. Том 17. № 1. – С. 229-232.

3. Шарипова, В.А. Передача чувств, состояния, отношения посредством ядерных глаголов сферы «говорить» и их дериватов в свете рассмотрения субъектного аспекта вербальной интеракции (на материале русского и английского языков) / В.А. Шарипова // Вестник Башкирского университета. – БашГУ, 2012. Том 17. № 1. – С. 232-237.

- в других изданиях:

4. Шарипова, В.А. Социокультурный компонент содержания обучения иностранному языку / В.А. Шарипова // Языковые и культурные контакты различных народов: Сборник статей. Общество «ЗНАНИЕ» России, Приволжский дом знаний – Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2003. – С. 299-301.

5. Шарипова, В.А. Интенсивная методика в системе обучения иностранным языкам / В.А. Шарипова // Образование в высшей школе: современные тенденции, проблемы и перспективы развития. Сборник научных статей региональной научно-методической конференции. – Уфа: ООО «Дизайн Полиграф Сервис», УГИС, 2003. – С. 51.

6. Шарипова, В.А. Методика обучения диалогической речи / В.А. Шарипова // Лингвометодические проблемы обучения иностранным языкам в ВУЗе: Материалы научно-методической конференции. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – С. 198 - 200.

7. Шарипова, В.А. Общая характеристика ядерных компонентов функционально-когнитивной сферы глаголов речи в русском и английском языках / В.А. Шарипова // Коммуникативно-функциональное описание языка: Межвузовский сборник научных статей. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 246-249.

8. Шарипова, В.А. Функционально-когнитивный подход в обучении иностранному языку / В.А. Шарипова // Образование в высшей школе: современные тенденции, проблемы и перспективы развития: Сборник научных статей Всероссийской научно-методической конференции. – Уфа: УГАЭС, 2007. – С. 47 - 49 (в соавторстве).

9. Шарипова, В.А. Когнитивный подход к описанию лексической системы языков / В.А. Шарипова // Образование в высшей школе: современные тенденции, проблемы и перспективы развития: Сборник научных статей Всероссийской научно-методической конференции. – Уфа: УГАЭС, 2007. – С. 42 - 46 (в соавторстве).

10. Шарипова, В.А. Ключевые глаголы речевой деятельности, их дериваты и распространители / В.А. Шарипова // Коммуникативно-функциональное описание языка: сборник научных статей – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – С. 155-161.

11. Шарипова, В.А. Адресат речевой коммуникации / В.А. Шарипова // Образование в высшей школе: современные тенденции, проблемы и перспективы развития: Сборник научных статей Всероссийской научно-методической

конференции. Апрель 2009 г. ч. II – Уфа: УГАЭС, 2009. – С. 152-154.

12. Шарипова, В.А. Феномен молчания в акте речевой коммуникации / В.А. Шарипова // Коммуникативно-функциональное описание языка: сборник научных статей – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – С. 141-145.

13. Шарипова, В.А. Общение «нового времени» / В.А. Шарипова // Инновации и перспективы сервиса: Сборник научных статей заочной IX Международной научно-технической конференции 7 декабря 2012. Часть II – Уфа: УГУЭС, 2012. – С. 303-304.

14. Шарипова, В.А. Особенности вербализации интенций вежливости (на материале русского и английского языков) / В.А. Шарипова // IV Международная научно-практическая конференция «Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации» Уфа: БГПУ, 2013. – С. 225-230.

- словарь

15. Шарипова, В.А. Русско-английский функционально-когнитивный словарь (сферы «Говорить», «Слышать», «Видеть») / В.А. Шарипова. Уфа: РИО БашГУ, 2004.– С. 6-111 (в соавторстве).

